

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАУКИ И ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ*

Цель работы – иллюстрация одного из ключевых моментов неолиберальной концепции науки – экономики знаний. Академический капитализм, превращая университет в объект корпоративного менеджмента, одновременно гарантирует закрепление за наукой статуса объекта общественного управления.

Ключевые слова: неолиберализм, академический капитализм, политическая социология науки, Г. Родес, С. Фрикель, К. Мур.

Общая цель нашего анализа неолиберальной концепции науки или адекватного образа науки в неолиберальном обществе – представить науку как объект общественного управления [Головки, 2011]. Реализация этой цели, на наш взгляд, поможет решить ряд проблем, связанных в первую очередь с современным пониманием социального контракта между наукой и обществом, включающего формирование новой формы «гражданской ответственности» государства и бизнеса, а также закрепление практик удовлетворения общественных интересов в области науки и технологии. Необходимость построения именно неолиберальной концепции науки продиктована уверенностью в том, что социальные механизмы функционирования гражданского общества в условиях современного глобализованного общества способны справляться с рядом сопутствующих проблем лучше, чем традиционные механизмы государственной политики.

Во-первых, мы коснемся общего представления о неолиберализме, а также тех изменений, которые произошли во внеинституциональном поле науки. Наша цель – обнаружить параллели между развитием экономических и политических процессов и развитием науки, подобрать подходящие методы исследования и обозначить основания, которые помогут раскрыть «политический контекст науки» (С. Блум). Во-вторых, обсудим первое из трех выделенных оснований – экономику знаний. По классическому определению (П. Друкер), экономика знаний охватывает производство и управление знанием в той или иной экономической ситуации, причем правила и практики, которые определяют успех индустриальной экономики, *переписываются* в более общей перспективе, где знания (технологии и т. д.) имеют тот же статус, что и другие ресурсы. Как результат глобализации, которая здесь трактуется в неолиберальном контексте, университет в качестве основного произво-

* Статья продолжает цикл работ, посвященных, в широком смысле, теме общественного понимания науки [Головки, 2011]. Частично статья была написана при подготовке монографии [Аблажей, Головки, 2011], а также доклада для выступления на II Всемирном социологическом форуме (1–4 августа 2012 г., Университет г. Буэнос-Айрес, г. Буэнос-Айрес, Аргентина). Предполагается, что в ближайших номерах журнала выйдут несколько статей, освещающих и другие аспекты неолиберальной концепции науки.

дителя знаний и центра трансфера технологий становится самостоятельным объектом *корпоративного менеджмента*. Академический капитализм как концепция, описывающая новые институциональные практики и «рыночное поведение» университета (Г. Родес), открывает возможности не только для анализа новых отношений между профессиональной деятельностью, университетом и рынком, но и для изменения статуса университета с точки зрения общественной политики. Так интерпретируемая экономика знаний гарантирует закрепление за наукой статуса объекта общественного управления.

Неолиберализм и политическая социология науки

Неолиберализм как политическая идеология вошел в широкий обиход государственной и международной политики в 1970-х гг. Для нас обращение к неолиберализму, по большей части, важно в связи с его влиянием на социальный контекст науки и, главным образом, – на те изменения, которые произошли в регулятивной сфере отношений между наукой и обществом. Анализ изменений, которые принесло с собой становление неолиберального общества, по видимому, должен быть близок идеологии *политической социологии*, т. е. социологическому исследованию общественных движений, экономических и организационных оснований науки, акцентирующему наше внимание на ряде трендовых преобразований и тенденций как в самой науке, так и в отношениях между наукой и обществом, каждое из которых может иметь свое направление и оказывать разное влияние на всю картину социального контекста «вокруг науки» в целом (см., например: [Alford et al., 2005]). На наш взгляд, прежде всего, имеет смысл выделить несколько *фундаментальных изменений*, которые произошли в науке и вокруг нее за последние тридцать лет: а) стремительный рост числа и качества исследовательских проектов в негосударственной сфере, в настоящее время, потенциал корпоративных исследовательских отделов, в том числе, в области фундаментальных исследований, практически сравнялся с государственным; б) увеличение значимости регулирования государственной и международной политики в области науки и техно-

логии, вызванное не только глобальными проблемами современности, но и, в идеологическом плане, закреплением сциентизма (П. Бурдьё, Ю. Хабермас и др.); в) определенного рода «эпистемическая модернизация» общества, повлекшая за собой необходимость таких проектов, как проект общественного понимания науки (Ч. Бодмер, Р. Докинс и др.), нацеленных на изменение, в широком смысле, отношения между наукой и обществом. Очевидно, эти изменения отвечают некоторой конфликтной ситуации – противоречию, которое раскрывает суть произошедших изменений.

Повсеместная «индустриализация» науки, произошедшая еще в 1960-х гг., когда все больше и больше окружающих нас «обыденных вещей» стали становиться наукоемкими, повлекла за собой изменение оснований, на которых до этого строился «социальный контракт» между наукой и обществом. В эпистемологическом плане авторитет науки не изменился, но произошли серьезные изменения в маркетинговом, в широком смысле, плане, – наукоемкость стала главным основанием престижа на международной арене, на уровне региональной экономики и на бытовом уровне, в определенном смысле, внося изменения в основания рыночных отношений. В это же время, формировались предпосылки для изменения отношений между наукой и обществом в целом, один из основных векторов которых – придание науке более публичного характера, в частности, расширение участия общества, в широком смысле, в управлении наукой. Столкнулись *две тенденции* – усиление частного сектора в наукопроизводстве и требование закрепления практик удовлетворения общественных интересов в области науки и технологии.

Определенные исторические изменения в обществе, произошедшие после Второй мировой войны, привели к формированию нового типа общественных отношений, который можно охарактеризовать ростом влияния международных и негосударственных организаций в том, что касается определения доступа не только к материальным благам, но и к «гражданским свободам», что существенно изменило наши представления и о финансовых институтах, и о культурном и социальном контекстах жизни общества. Неолиберализм, как концепция, поддерживающая либерализацию в экономике, от-

крытость торговли и свободный рынок, в данном случае выступает теорией того, как можно формализовать отношения различных социальных субъектов, которые репрезентируют отмеченные изменения. Среди основных характеристик неолиберализма можно назвать: а) предпочтение рыночных способов регулирования перед государственными (роль государства сводится к созданию и обеспечению гарантий институциональных практик); б) предпочтение либерализации отношений перед протекционизмом (независимо от предмета и уровня анализа ситуации); в) социальная ответственность (децентрализация общественных отношений, например в области экономики, должна приводить к улучшению качества жизни всех слоев населения, а не к одностороннему перераспределению благ). Как отмечает Д. Харви, неолиберализм становится популярным, показав одновременно эффективность преодоления экономического кризиса в 1970-х и эффективность стратегии «социальной ответственности» не только при регулировании отношений внутри государства, но и на международной арене начиная с 1980-х [Harvey, 2005. Ch. 1]. Естественно, неолиберализм не может рассматриваться как единственная интерпретация глобализационных процессов. Другие идеологии, например социальный либерализм или демократический социализм, также могут подчеркивать и важность социальной ответственности, и необходимость привлечения институтов гражданского общества для решения его насущных проблем в условиях глобализации. В данном случае нам важны *параллели* между развитием экономических и политических процессов и развитием науки.

Для того чтобы схватить отмеченные параллели более четко, на наш взгляд, необходимо воспользоваться багажом политической социологии науки. В настоящее время можно говорить о возникновении *новой* политической социологии науки [Frickel, Moore, 2006]. С. Блум отмечает: «Социальный институт науки в значительной степени политизирован и более того... социальная структура современной науки существенно зависит от социальной, экономической, политической организации общества и весьма чувствительна к любым изменениям» [Blume, 1974. P. 279]. Обращение к идеям политической социологии науки сейчас ак-

туально уже потому, что она сосредоточена именно на внеинституциональном измерении науки. В отличие от институциональной социологии науки, которая сосредоточена на внутренних механизмах функционирования науки [Merton, 1973], или от социологии научного знания, сосредоточенной на микросоциологии сетей и отношений, сопутствующих получению знания [Science Observed, 1983], политическая социология науки занимается анализом архаических структур и отношений, которые одновременно и автономны, и испытывают влияние со стороны различных «внеаучных» факторов, а, в целом, отражают самоорганизацию и характерное самоуправление в республике ученых. В данном случае автономность естественным образом следует из внутренней логики развития научного знания, а «внеаучные» факторы относятся к политическим, экономическим и другим социальным измерениям современного общества.

Естественно, кроме политической социологии науки и отмеченных институциональной социологии науки и социологии научного знания, в настоящее время можно выделить еще несколько попыток описать социальный контекст столкновения науки и «внеаучных» факторов. Во-первых, науку можно рассматривать как внешний фактор, который управляет технологической трансформацией и тем самым изменяет структуру общества. Здесь можно вспомнить концепцию «информационного общества» М. Кастельса [Castells, 1996] и, как следствие, технологический детерминизм. Во-вторых, можно развивать и «обратный» подход, подчеркивая, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни общества». Здесь можно вспомнить классиков марксистской историографии науки Б. М. Гессена и Г. Гроссмана [Freudenthal, McLaughlin 2009] и, как следствие, социальный детерминизм. В-третьих, подход, подчеркивающий независимость, автономность и самоуправление науки [Polanyi, 1962; Bourdieu, 2001], также может успешно реконструировать исторический контекст изменений, происходящих в науке и вне ее, подчеркивая важность структурных изменений, вызванных именно «глобализационными процессами», в частности, увеличением роли и включенности общества в процесс

управления наукой. Особенность политической социологии науки состоит в том, что мы должны сосредоточиться на анализе разнонаправленных тенденций и *пересечении* научного и социально-политического дискурсов на предмет определения трансформаций институциональных норм и отношений в науке в рамках именно неолиберального общества.

Как следствие, в силу того, что наш интерес сосредоточен в области анализа новых тенденций и перспектив *общественного регулирования науки*, мы остановимся на трех аспектах современной неолиберальной интерпретации «внеаучного» контекста, которые должны помочь нам представить основные черты новой *неолиберальной концепции науки*: а) экономика знания; б) сциентизм; в) эпистемическая модернизация. В настоящий момент сложно обосновать достаточность этих элементов для того, чтобы полностью раскрыть содержание неолиберальной концепции науки. В поддержку можно привести отмеченные выше фундаментальные изменения, которые произошли в науке и вокруг нее за последние тридцать лет, а также элементы неолиберальной интерпретации глобализационных изменений, имевших место в экономике, политике и обществе в целом. Предполагается, что в дальнейшем эта модель будет уточняться.

Университет как индустриальное производство

Говоря об *экономике знаний*, как правило, подчеркивают важность событий, произошедших в 1970-х гг., а именно значительное увеличение затрат на научные исследования, проводимые частными корпорациями, по сравнению с затратами на науку и исследования за счет государства¹. Однако у нас нет оснований считать, что подобная динамика вызвана исключительно неолиберальной государственной политикой или вмешательством глобализации. Вопрос, скорее, заключается в том, *что означает* это изменение в отношениях между

различными агентами, финансирующими науку, и как в результате изменился сам характер исследований?

Действительно, можно сказать, что глобализация изменила «лицо экономики». Индустриально развитые страны воспользовались ситуацией и вовремя и удачно, по крайней мере, отчасти, переориентировали свое «массовое производство» для выпуска товаров, которые теперь пошли за границу, удовлетворяя нужды менее развитых и развивающихся стран. Таким образом, у лидеров экономик развитых стран могло сложиться представление, что интенсификация наукоемкого производства (информационные, био-, нано- и другие технологии и т. д.) есть необходимый элемент поддержания лидирующего положения в мировой экономике (см., например: [Stehr, 2002]). Вместе с изменением принципов финансирования науки (грантовая система, научные фонды и т. д.), которые теперь позволили более динамично поддерживать актуальные направления исследований, большое значение стало придаваться развитию инноваций и экономики на местах (технопарки, бизнес-инкубаторы и т. д.). И все это существенно повлияло на то, как стал интерпретироваться тезис либерализации торговли. Государство *само* продемонстрировало желание перестроить отношения в индустриальном секторе экономики и сопутствующих областях для того, чтобы сохранить конкурентоспособность на международном рынке. Как отмечают ряд исследователей, первый серьезный шаг к построению экономики знания был сделан в связи с изменениями в законодательстве в сфере интеллектуальной собственности (см., например: [Berman, 2008]). Причем реформа была спланирована и реализована «сверху», и продиктована именно необходимостью новых подходов трансфера знаний (технологий, интеллектуальной собственности и т. д.) для усиления конкурентоспособности².

² На наш взгляд, один из наиболее удачных примеров подобных преобразований «сверху» привел С. Брахмачари – Генеральный директор Совета по научным и технологическим исследованиям Министерства науки и технологии Индии на открытии Индийско-российской конференции «Социально-экономические и технологические инновации в глобализирующемся мире (STIGE-2011): Механизмы и институты» (Национальный институт науки, технологии и развития, г. Нью-Дели, Индия, 2–5 ноября 2011 г.). По его словам, в 1990-х гг. внутри Министерства нау-

¹ Boroush M. U.S. R & D Spending Suffered a Rare Decline in 2009 but Outpaced the Overall Economy / National Center for Science and Engineering Statistics (March 2012). URL: <http://www.nsf.gov/statistics/infbrief/nsf12310/nsf12310.pdf> (дата обращения 01.09.2012).

В результате произошедших изменений в государственной политике регулирования в области науки и технологий, существенно изменились отношения между университетом (который в западной традиции играет роль основного «производителя» научного знания) и реальным сектором экономики. Теперь уже университеты, по аналогии с желанием государства сохранить конкурентоспособную экономику, поняли *необходимость* выступить центрами трансфера знаний, технологий и инноваций. В определенном смысле, это изменило всю идеологию или «видение университета», т. е. традиционное представление о соотношении «входов» и «выходов» деятельности университета, содержании университетской программы, основаниях выделения самостоятельных факультетов и т. д. Более того, ориентация на инновации привела к формированию особой «коммерческой культуры» внутри академического, в широком смысле, сообщества, которая, можно сказать, *также* отвечает идее «либерализации торговли», но не обязательно продиктована именно неолиберальными соображениями и имеет своей целью не рациональное, например, в смысле Ю. Хабермаса, действие, а, скорее, – преодоление насущных проблем. Новые условия принесли с собой сокращение государственного регулирования, в том числе, финансирования, усиление давления со стороны индустрии, вызванное конкурентной борьбой, и небывалые возможности получения выгоды от «трансфера технологий». В этой ситуации от руководства университета потребовалось проявить инициативу и, в частности, перенести на объявленную площадку «трансфера» опыт практики и управления из частного сектора экономики.

ки и технологии Индии возникла идея перенести идеологию разработок «с открытым кодом» из области разработки программного обеспечения в область производства лекарственных препаратов и отказаться от идеи лицензирования препаратов для их производства, как на внутреннем, так и на международном рынке, заменив лицензию, за которую нужно было платить немалые деньги, соглашением между компанией-производителем и специальной комиссией при Министерстве. Как результат, в настоящее время по объему выпускаемой фармацевтической продукции Индия занимает третье место в мире. См. об этом: Ramsurya M. Pharma, Engineering to Topple IT as Big Paymaster / New Economic Times (Jun 8, 2010). URL: <http://articles.economictimes.indiatimes.com/2010/jun/08/> (дата обращения 01.09.2012).

Наступило время «академического капитализма» [Rhoades, Slaughter, 2004].

Один из основных элементов *академического капитализма* – демонстрация показателей, позволяющих оценить качество предоставляемых услуг. Возникло понятие и целая культура «академического аудита», включающая обязательный подсчет рейтинга университета (достижения, международное сотрудничество, объемы финансирования из внешних источников и т. д.) и подсчет метрических показателей преподавателей и студентов (количество статей в рецензируемых журналах, участие в международных конференциях, трудоустройство выпускников и т. д.). В этом смысле, например, преподаватели перестали отличаться от офисных сотрудников, – эффективность их деятельности легко подсчитывается; студенты (особенно бакалавры) превратились в «покупателей», по отношению к которым действуют стандартные экономические условия удовлетворения запросов (включая рекламу, расширение рынка услуг, ориентацию на массового потребителя, создание позитивного имиджа и т. д.)³; а качество руководства университета стало определяться уровнем владения навыками менеджмента кадров, ресурсов и т. д., и способностью перенести на почву университета адекватную культуру управления. Университет перенял корпоративный «код управления» (см., например: [Kleinman, 2010]).

Гранты и конкурсные программы распределения финансирования, технопарки и развитая инфраструктура поддержки стартап-проектов – все это примеры «предпринимательских инициатив», которые не только отражают новую социально-экономическую ситуацию, но и также соответствуют неолиберальной модели трансформации «внена-

³ Подобная переориентация легко прослеживается, если сравнить, например, ожидания от бакалавра – выпускника современного российского вуза и от выпускника вуза советского периода. Другие условия, другой уровень подготовки, другая цель получения образования – все это делает бакалавриат скорее элементом системы дотягивания студента до определенного уровня, о чем явно свидетельствует структура образовательной программы бакалавра, – большая ее часть посвящена дисциплинам «общего» профиля. То же самое можно сказать по поводу понижения уровня академических степеней. На самом деле, все это дань времени, – усложнение системы социальных отношений, в том числе вызванное влиянием глобализации, требует корректировки, в данном случае, ожиданий от системы образования.

учного» контекста. Предпринимательская инициатива, а вместе с ней и новая система получения и распределения благ, фундаментальным образом изменила видение и выбор направлений исследований и распределения финансирования, а также основания поддержки тех или иных программ и оценку их рисков. С одной стороны, это привело к тому, что традиционные, фундаментальные и престижные в «узких кругах» направления исследований существенно проиграли и в популярности, и в финансировании. С другой, открывшиеся возможности, как для того, чтобы развивать новые более востребованные направления исследований, так и для того, чтобы вступать в новые формы отношений и развивать партнерство с бизнес-структурами, привели к реальной диверсификации стратегии реализации университетом себя на рынке инноваций и новым вариантам получения отдачи от инновационной деятельности. Как следствие, очевидно, обострилось противоречие между интерпретацией университета, как автономной независимой структуры, выполняющей известную общественную функцию по развитию и получению нового знания, и новым видением университета, акцентированным на взаимодействии с бизнесом и инновациях. Изменилась *структура* университета, она стала более динамической. В идеале, если раньше самоуправление делегировалось факультетам, каждый из которых отражал суть той или иной самостоятельной дисциплины или независимой области исследований, то теперь, например, необходимость проведения междисциплинарных исследований, как и подготовки специалистов в этой области, требует создания краткосрочных исследовательских или преподавательских коллективов и соответствующих «временных» структур, каждая из которых будет вовлечена в более широкий «дискурс», чем традиционный факультет. Чтобы «удержаться на плаву», подобной структуре требуется намного больше усилий, в частности, необходимо значительно добавить предпринимательской инициативы, умения следить за «рынком», «оценивать ситуацию» и правильно «вести переговоры». Парадокс заключается в том, что работа в исследовательском отделе крупной корпорации связана с меньшим «риском» и предъявляет меньше требований в плане «околонаучной активности».

Таким образом, глобализация принесла с собой изменение условий, на фоне которых строилась «старая» экономика знаний. Технологические инновации стали основным запросом со стороны государства и бизнеса, стремящихся поддерживать уровень конкурентоспособности в новых условиях, что, в частности, привело к актуализации таких элементов неолиберализма, как либерализация рынков и приоритет рыночных инструментов регулирования перед государственными. Новые правила распоряжения интеллектуальной собственностью окончательно закрепили возможность инноваций и трансфера знаний и технологий, что повлекло за собой изменение приоритетов исследований в сторону прикладных направлений, а также изменение веками закрепленной структуры университета, который в итоге превратился в своеобразное «индустриальное производство», с соответствующим менеджментом персонала, структурой управления и т. д. Существенным элементом неолиберального видения университета становится «работа на публику и с публикой», которая в принятой «индустриальной модели» университета отражает «предпринимательский дух», с одной стороны, отвечая задаче удовлетворения университетом запросов общества, а с другой, указывая на сложности «поддержания на плаву» различных междисциплинарных лабораторий и сложности нового типа управления наукой в целом. Закономерным следствием произошедших изменений становится то, что этот самый «предпринимательский дух», вместе с идеей «трансфера технологий», открывает *новые возможности для общества* быть «включенным в прогресс». В частности, становится возможным оказывать влияние на финансирование и престиж отдельных направлений исследований и актуализировать трансфер технологий именно в определенной области, например, в области защиты окружающей среды, экологии, проблем здоровья и т. д. В свою очередь, это породило настоящую волну общественного интереса к проблемам исследований и технологического развития, а также создало новую возможность для заключения социального контракта между наукой и обществом, включающего представление о том, что *наука и технология являются объектами общественного управления в рамках модели гражданского обще-*

ства точно также, как бизнес и государство.

Влияние общества и гражданских инициатив существенно ограничивает академический капитализм (переход к которому, по сути, неизбежен), поскольку расширяет проблемное поле и процессы, связывающие университет и индустрию, например, акцентируя внимание на вопросах гражданской ответственности науки и бизнеса или привлекая элементы гражданского общества для управления этими процессами. В наших последующих статьях мы отдельно остановимся на проблемах и элементах «гражданского управления» и, в целом, модернизации управления наукой в современном обществе.

Список литературы

- Аблажей А. М., Головко Н. В. Социальные детерминанты развития науки. Новосибирск: Дизайн-студия ДК, 2011.
- Головко Н. В. Наука в глобализирующемся мире: профессиональная деятельность или общественное благо? // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 4. С. 22–29.
- Alford R., Janoski T., Hicks A., Schwartz M. A Handbook of Political Sociology. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Berman E. The Politics of Patent Law and Its Material Effects / Eds. T. Pinch, R. Swedberg. Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 191–213.
- Blume S. Toward a Political Sociology of Science. N. Y.: Free Press, 1974.
- Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 2001.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.
- Freudenthal G., McLaughlin P. The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution. Dordrecht: Springer, 2009.
- Frickel S., Moore K. Prospects and Challenges for a New Political Sociology of Science / Eds. S. Frickel, K. Moore. The New Political Sociology of Science. Madison, WI: Univ. of Wisconsin Press, 2006. P. 3–31.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2005.
- Kleinman D. The Commercialization of Academic Culture and the Future of the University / Ed. by H. Radder. The Commodification of Academic Research: Science and the Modern University. Pittsburgh, PA: Univ. of Pittsburgh Press, 2010. P. 24–43.
- Merton R. The Sociology of Science. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1973.
- Polanyi M. The Republic of Science, Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. Vol. 1. P. 54–73.
- Rhoades G., Slaughter S. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore, MD: Johns Hopkins Univ. Press, 2004.
- Science Observed / Eds. K. Knorr-Cetina, M. Mulcahy. Beverly Hills, CA: Sage, 1983.
- Stehr N. Knowledge and Economic Conduct: The Social Foundations of the Modern Economy. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2002.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2012

N. V. Golovko

NEOLIBERAL CONCEPTION OF SCIENCE AND KNOWLEDGE ECONOMICS

The paper aims to illustrate one of the key elements of neoliberal conception of science – knowledge economics. Academic capitalism, while making the university a subject of corporate management guarantees, at the same time, the status of science as a subject of public management.

Keywords: neoliberalism, academic capitalism, political sociology of science, G. Rhoades, S. Frickel, K. Moore.